

Друженье

18+

Vzap

Vzaroe Vzaroe Движение

<https://litres.ru/74685427>

SelfPub; 2026

Аннотация

Возможность помочь прекрасной девушке с ее хобби выпадает не каждому, особенно если она занимается автоматами. Главный герой всю свою учебную жизнь не замечал Алису, но однажды обстоятельства заставили его заговорить с ней и заключить небольшой союз в погоне за общей целью.

Их знакомство начинается для обоих не очень сладко. Алиса не замечает того мира, которым живет герой, и их взгляды начинают сильно различаться. Но, несмотря на это, их крепкая связь не прогибается даже под давлением окружающего мира.

Vzaroе

Движение

Движение

Глава 1

До Алисы моя жизнь почти никуда не двигалась. Я ходил в лицей, возвращался домой, делал то, что от меня требовали, иногда помогал матери и просто ждал следующего дня. Я никогда всерьез не думал о том, куда поступать, чем заниматься после выпуска или чего вообще хотел от жизни.

В середине десятого класса, в один из майских дней, я забыл пару учебников — и это вынудило меня впервые с ней заговорить.

Ее звали Алиса.

Первое время я мялся и пытался делать вид, будто прекрасно обходился без них, но преподаватель уже начинал разбирать новую тему.

Я посмотрел по сторонам все еще в надежде найти спасение в ком-то, но единственное свободное место оказалось рядом с Алисой.

— П-привет. — Она перевела свой взгляд с тетради на меня. — Я учебник забыл... Можно к тебе подсесть?

— Привет. — Она немного подвинула свои вещи и пересела. — Конечно. Вместе интереснее и веселее. — Она пару раз легко похлопала ладонью по стулу.

— Спасибо тебе.

Через пару минут после начала пары она взглянула на мою единственную ручку и тетрадь и смущенно спросила:

— Как ты так?

— Ты о чем? — спросил я.

— Ну... забыл все?

— А-а-а, — нервно протянул я, после чего между нами возникла неловкая пауза. — Да так, проблемы дома бывают. Просыпаюсь из-за этого постоянно, не выспался и... вот. — Она дала неловкий смешок и снова отвернулась в сторону.

Вокруг по-прежнему шумел класс: кто-то переговаривался на задних партах, преподаватель писал что-то на доске, за стеной работали механизмы. Но я неожиданно перестал обращать на все это внимание.

Остались только учебник, ее голос и шелест страниц. Алиса медленно перелистывала страницы, иногда задерживаясь на нужном месте и проводя пальцем по строчкам. Объясняла, как механические импульсы проходят через живую ткань и почему один сбой способен нарушить всю систему.

— Понятно, — кивнул я.

— Ты понял? — Алиса посмотрела на меня.

— Конечно. — Она несколько секунд молчала.

— Ты ничего не понял.

— Ну... примерно. — Она закатила глаза, а после тихо засмеялась.

— Ладно. Смотри еще раз. — Она начала объяснять все

сначала, теперь гораздо проще.

Я действительно старался слушать, хотя половина терминов все равно проходила мимо ушей.

Зато мне нравилось, как она говорила обо всем этом. Она явно любила объяснять, а когда замечала, что я хотя бы пытаюсь следить за ее словами, на ее лице появлялась улыбка.

Гул в классе стал тише — преподаватель начал собирать тетради, и хлопки обложек о столы отдавались у меня в ушах один за другим.

Моя тетрадь почти полностью пустовала. Казалось, что выговора мне не избежать.

— У тебя в тетради пусто.

— И что?

— Ты же ничего не записал. — Она выхватила ее и, взяв ручку, быстро начала заполнять пустые строки чернилами.

Я смотрел на ее пальцы, уверенно сжимающие ручку. Она писала быстро, но аккуратно, словно заранее знала, где и что должно находиться. Рядом с аккуратной схемой клетки она вдруг нарисовала маленького человечка, державшего зеленую бутылочку.

— Он на тебя похож немного, — шепнула она.

— Почему?

— Ну... — Она улыбнулась. — Просто похож.

На следующий день она не пришла. Сначала я не придавал этому значения. Мало ли по какой причине человек мог пропустить занятия. Но потом мне стало казаться, что я сделал

что-то не так и она сильно расстроилась, решив не появляться, чтобы не видеть меня.

Через несколько минут я снова и снова смотрел на свободное место рядом с собой. Каждый раз оно оставалось пустым.

На перемене я зачем-то подошел к ее парте. На краю парты валялась та самая тетрадь с рисунками. Я неловко протянул руку, но что-то внутри меня остановило. Это была ее тетрадь. Я не имел права туда заглядывать.

Когда я отошел от парты, ко мне подошел парень и заговорил со мной.

— Чего стоишь? — Я обернулся. Одноклассник смотрел на меня с усмешкой.

— Да так, просто.

— Алису ищешь? — Я пожал плечами. — Она заболела, вроде.

— Да, понятно.

— Что понятно? — спросил он.

— Ты ждешь чего-то другого? — На мой грубый ответ он лишь повернулся и удалился прочь.

Весь день проходил как-то мимо меня. Лишь тот парень изредка косился на меня, но это единственное, что я помнил.

До нашей встречи дни в лицее почти не отличались друг от друга, но теперь все вокруг почему-то стало раздражать. Скрежет мела по доске казался громче обычного, стук латунных уголков о стены — резче, а обед неожиданно приоб-

рел вкус мазута.

Я несколько раз ловил себя на том, что снова смотрел на ее пустое место. Мы были знакомы всего день, а я уже ловил себя на том, что жду ее возвращения.

Когда занятия закончились, я еще несколько минут стоял у выхода, не решаясь уйти. Я не знал, где она живет, и почти всю перемену ходил по одноклассникам, расспрашивая всех об Алисе. Кто-то странно на меня смотрел, а кто-то вообще не понимал, о ком я говорю.

В конце концов один парень вспомнил, что несколько раз видел ее возле Медянок. Тогда я направился к кабинету директора. Я постучал и, не дождавшись ответа, заглянул внутрь.

— Извините, здравствуйте.

— Привет. Что-нибудь хотел?

— Да... Мне нужен адрес Алисы.

Она оторвалась от бумаг и посмотрела на меня поверх очков.

— Зачем?

— Она заболела, я хотел ее навестить. И еще у меня есть вещь, которую нужно ей передать.

— Это не причина выдавать тебе ее домашний адрес.

— Ну а если я обещаю, что просто передам вещь и уйду?

— А если ты не уйдешь?

Я замолчал.

— Понимаешь, — продолжила она, — если Алиса сама

попросила бы меня дать тебе адрес, я бы дала. Но сейчас она меня об этом не просила.

— То есть вы вообще никак не можете помочь?

Она несколько секунд молчала, перелистывая какие-то бумаги.

— Полный адрес не дам. Она живет в Медянках, дом тридцать четыре.

Я уже открыл рот, но она тут же подняла палец:

— Остальное узнаешь сам.

— Квартира?

— Вот этого ты от меня не услышишь. — Я кивнул, собираясь уходить, но директор вдруг добавила: — Хотя, кажется, она в одиннадцатой.

— Вы же не хотели говорить ничего.

— Я просто впервые увидела, как кто-то заинтересовался ею. Надеюсь, в благих намерениях. — Я уже выбежал за дверь.

Над головой раздался знакомый гудок. К остановке медленно приближался дирижабельный автобус — небольшой городской транспорт, который мы обычно называли просто дибусом. Я посмотрел на часы. Четыре часа. До вечера было еще далеко, и я поднялся на борт.

Дибус тронулся, тяжело покачиваясь на рельсовом подвесе. Из боковых клапанов время от времени вырывались облачка пара, а за мутными окнами медленно проплывали знакомые улицы. На нескольких участках янтарные фонари не

зажглись, и водитель каждый раз сбрасывал ход перед темными перекрестками.

До района Алисы оставалось всего несколько остановок, когда двигатель под нами вдруг захрипел. Дибус дернулся, затем второй раз, гораздо сильнее, и остановился прямо у обочины.

— Что случилось? — спросил кто-то с заднего сиденья.

Водитель вздохнул и выбрался наружу. Подняв боковую панель, он несколько секунд молча смотрел внутрь.

— Давление просело, — наконец сказал он. — Сейчас не поедem. Минут сорок, может, час, пока разберусь.

У меня и без этого было желание пойти пешком до нее, и поломка вынудила это сделать. Несколько остановок я вполне мог пройти. Оставив медный билет контролеру, я вышел наружу и пошел пешком. По дороге я зашел в небольшую лавку с вывеской: «Оззи и Элара».

В витрине лежали латунные шестерни, стеклянные колбы и детали от старых механизмов.

— Здесь есть кто-нибудь?

— Если пришел покупать — есть, — раздался женский голос из-за прилавка. — А если что-нибудь сломать — сначала покажи, что именно. — За прилавком сидела пожилая женщина и что-то заливала внутрь разобранного кассового аппарата. — Чего хотел, сынок? — спросила старушка.

— Я к однокласснице иду. Она сегодня не пришла в лицей. Наверное заболела. — Я пожал плечами. — Хотел ку-

пить что-нибудь, чтобы ей отнести. — Женщина смерила меня взглядом поверх очков.

— А-а-а, романтик, значит.

— Чего? Нет. Просто дружелюбие.

— Тогда бери виноградный лимонад. Новый, недавно из столицы привезли. Его все любят.

— А он дорогой?

— Конечно, с тебя бронзянка.

— Ох... ну давайте тогда, — выдохнул я, ведь мне очень хотелось обрадовать Алису, и потратиться ради нее я был готов всегда. Она достала бутылку и поставила ее на прилавок. Я уже собирался уходить, но заметил разобранный кассовый аппарат. — Он сломан?

— Угу. — Она кивнула.

— Могу посмотреть, если желаете. — Элара подозрительно покосилась на меня.

— Разбираешься, что ли?

— Немного. Мы недавно проходили это на парах.

Она лишь снова косо посмотрела на меня, затем снова перевела взгляд на сломанный аппарат и сказала:

— Ох ладно, не сломай ничего, а то Оззи убьет меня.

Я обошел прилавок и впервые оказался так близко к внутренностям старого аппарата. Я провел пальцем по одному из соединений.

— И когда он последний раз нормально работал?

— Не помню.

— А что именно сломалось? — спросил я у нее, вытаскивая из портфеля ключ и масло.

— Самопроизвольно выскакивает лоток, так еще он и заедает иногда. Устала уже от этого. Сможешь починить?

Я взглянул еще раз на внутренности этой машины и сказал:

— Попробую, но ничего не обещаю.

От автомата пахло горячей медью, смешанной с паленой смазкой. Проблема оказалась в паровой системе. Из-за пыли паровой клапан не закрывался до конца, поэтому давление внутри механизма постепенно росло даже без сигнала. В какой-то момент его становилось достаточно, чтобы касса самопроизвольно открывалась. Оставалось заменить забитую катушку и очистить клапан.

— Нужна катушка новая, у вас не найдется? — попросил я.

— Катушка? Сейчас поищу в закромах Оззи. — Бабушка Элара начала перебирать латунные детали в коробке, звеня ими, как монетами. — Вот, держи.

Я взял у нее катушку и заменил. Закончив ремонт, я попросил ее проверить кассу. Элара несколько раз нажала на кнопку кассы. Механизм сработал без единого заедания.

— И правда, — пробормотала она, улыбаясь. — А ты способный. — Она снова полезла в коробку с деталями. — Вчера тут одна девочка была, тоже Алиса, вроде с тобой учится. Фильтры для своих автоматов выбирала. — Я замер.

— Автоматонов?

— Да. У нас много запчастей для них.

— Интересно... — задумался я.

— Так, ты ее знаешь? Хотя стой, напомни, к кому ты идешь?

— К ней. Да, вы правильно поняли.

— Ой, это же прекрасно, передай тогда ей это. — Она достала из кармана латунный бутылек. Внутри была вода. И красная роза. Я нахмурился.

— Как она вообще там растет?

— Понятия не имею, — пожала плечами Элара. — Алиса сама принесла его. Призналась, что вещь для нее важная. — Я осторожно взял бутылек.

— Ух ты, а как оно там...

— Я не знаю. Она его почти никогда не выпускала из рук, — продолжила Элара. — А когда однажды потеряла, весь магазин на уши поставила.

— Настолько важен?

— Для нее — да. — Элара немного помолчала. — Я взглянул на маленькую розу внутри бутылка и добавил:

— Это немного странно.

— Очень, — усмехнулась Элара. — Но хорошие люди часто странные. — Она протянула руку.

— Адрес-то знаешь? — Я кивнул, и она продолжила: — Передашь — скажи, чтобы в следующий раз сама за ним пришла.

Когда я вышел из лавки, в лицо ударил холодный ветер. Я сжал бутылек в кармане и посмотрел на адрес, который успел записать.

Я нажал на звонок. Ничего. Подождал несколько секунд и нажал еще раз. За дверью слышались шаги.

— Кто там?

— Э... это я. Мы сидели вчера вместе на биомеханике, — промямлил я, опустив взгляд ей в ноги.

Дверь открылась. Алиса удивленно вытаращилась на меня.

— Ты?

— Привет.

За ее спиной виднелась просторная квартира с темно-красными обоями и узорами на стенах.

— Как ты узнал мой адрес?

— Вспомнил. А квартиру мне Элара подсказала. Ты должна ее знать. Я заходил к ней. Кстати, вот, на. — Дрожащими руками я протянул ей ее латунный талисман и бутылку виноградного лимонада.

— О-о-о, а я думала, куда я его дела, откуда он у тебя? Вчера на паре оставила?

— Нет-нет. Ты потеряла его в лавке у Элара, она мне велела передать его, а лимонад я купил, подумал, вдруг тебе плохо, хоть как-то сделать тебе лучше... — выдавил я, произнося каждое предложение все тише и с каждым разом сильнее краснея.

— Спасибо большое, мой любимый. Откуда ты знаешь? Следил за мной? — спросила она с частичкой шутки.

— Нет, это интуитивно. А что значит этот латунный бутылек? Просто так прелестно выглядит.

— Ой, ну тут долго рассказывать, легче показать, подожди тут. — Она вышла через пять минут в уличной одежде. — Пошли, покажу тебе свой склад небольшой, — предложила она, переступив порог.

— Может тебе лучше дома посидеть, потом как-нибудь покажешь.

— Тут недалеко.

Она взяла меня за кисть, и вскоре мы пришли к огромному складу. Он был обит латуной и заставлен различными установками. Из труб сочился пар, а Алиса рассказывала что-то про автоматов.

— Зачем мы здесь?

— Заходи.

Внутри меня ожидало кладбище автоматов и огромные горы различных запчастей и смазок.

— Как тут много всего, это все твое?

— Ахах, нет, конечно, но мне можно этим пользоваться, вон видишь небольшой цех. — Она показала пальцем на дальнюю дверь, закрытую занавеской. — Там мои творения.

В ее личной мастерской находилось бесчисленное количество деталей, которые приводили автоматов в движение или от которых зависел их шаг. Они все стояли в разных по-

зах и словно ждали команды, чтобы начать двигаться.

— Красиво ведь, да? Правда, лучше, если бы они работали правильно, я уже пару лет пытаюсь воплотить проект в жизнь.

— Извини, конечно, но можно хотя бы немного объяснить.

— Я хочу научить автоматов танцевать.

— Ого, это амбициозно, думаешь, это возможно?

— Я в этом уверена. Я с детства обожала танцы, да и сейчас обожаю. Я решила, впервые увидев автоматов, воплотить в них жизнь, хотя бы в одного из них. Ты спрашивал про тот талисман, я хочу, чтобы ты сам догадался, что он значит. Не утомила тебя еще?

— Нет-нет, это интересно. Поэтому ты вчера искала... фильтры?

— Да, тоже Элара рассказала? Никогда не умела она хранить секреты... — фыркнула она, сморщившись и, скрестив руки.

— Разве это секрет?

— Нет, — улыбаясь, произнесла она.

Она медленно обходила каждого автомата, говоря что-то вслед. Ее слова пролетали мимо ушей. Каких-то она оплакивала, подходя к ним и говоря, что, например, этот автомат был ближе всех к идеалу, но из-за неисправности все поломалось, а восстановить так и не удалось.

Я узнал, что она подрабатывала в каком-то театре, ку-

да сдавала некоторые свои простые экземпляры и получала деньги за каждое выступление, где они использовались. В основном они совершали легкие движения, поэтому она не переживала об их поломке.

— Почему о тебе в школе так отзываются многие?

— Кто? — спросила она, запрыгнув на огромный выдвижной ящик.

— Ну, вчера подошел какой-то тип и выдал...

— Что? — спросила она, запрокинув голову на плечо.

— Ну, что по тебе слухи ходят.

— Какие? Рассказывай, интересно же.

— Я не помню, точнее, даже не слушал его бредни. — Она отвела взгляд и покраснела.

— Ну вот они всегда так, что-то про меня хотят выдумать и испортить репутацию, ненавижу их, они это чисто из зависти, я уверена в этом, спасибо, что не послушал этих недоумков.

— Он один.

— Один? Ну там еще люди есть, которые недолюбливают меня.

— А почему? Что ты сделала, вроде я не видел за тобой ничего такого за все эти годы.

— Да так, личные терки с ними, все нормально, главное, что им не сломать нас, верно?

— Наверное.

Она спрыгнула с ящика и заявила, что мы засиделись, а в

цехе веяло легкой прохладой. Она взяла меня за кисть, и мы направились к выходу.

— А тебе вообще понравилось наше мини-путешествие?
— спросила она, коснувшись своей шеи.

— Больше, чем понравилось, твоя идея с оживлением автоматов — это что-то с чем-то. Хочешь, я буду помогать тебе с этим всем? — После нее мой привычный мир вдруг показался каким-то маленьким.

Мы остановились посреди тротуара, и она медленно посмотрела на меня. В ее глазах я увидел искры и сияние. Я такой ее никогда еще не видел. Она взяла меня за руку и наши пальцы переплелись, и в моменте она прошептала:

— Да! Конечно. Я так рада, что кто-то еще не считает эту идею странной. — Она схватила меня за ладони.

— Пообещай, что не бросишь меня, если у нас ничего не получится.

— Не брошу.

— Тогда договорились.

— А с кем ты еще говорила об автоматах?

— В школе обсуждала с некоторыми, но они посмеялись и сказали, что я несу бред, вот отсюда и пошли слухи. — Она горько усмехнулась.

— И тебе не противно это?

— Что?

— Что о тебе так говорят.

— Не особо, мне все равно. Они, наверное, не знаю, глу-

пые, легкомысленные, не хотят вникать ни во что.

— Может, тогда докажем им, что они сильно ошибаются в тебе.

— Теперь в нас. Они ошибаются в нас. Ты же теперь со мной, да?

Улыбка на ее лице не сползала еще долго. Я никогда не видел ее такой счастливой, хотя раньше она все равно была фоновым шумом.

Мне стало интересно, что именно она имела в виду под словом «мы». Я все еще не до конца понимал, что меня так притягивало к ней, но с каждой минутой хотел оставаться рядом все сильнее. Наверное, впервые мне действительно хотелось помочь кому-то не потому, что меня попросили, а просто потому, что я сам этого хотел.

— Слушай, а ты всегда такой тихий? — спросила Алиса, перешагивая через лужу.

— Какой?

— Ну, такой. — Она повернулась ко мне и пошла спиной вперед.

— Я не понимаю.

— Ну ты постоянно сидишь, не отвечаешь, словно боишься кого-то... или чего-то.

— Нет, все нормально, просто так получается.

Она рассмеялась и едва не наступила в лужу. Я успел схватить ее за рукав и потянуть на себя.

— Эй! А если бы порвал?!

— Ну зато ты не в грязной луже.

— Спасибо, но можно было бы и заранее увидеть ее и предупредить меня!

— Чего?

— Да шучу я, спасибо, что спас меня от всеобщего позора.

— Аккуратнее, Алис, а то могу и не успеть поймать тебя.

— А как же твоя реакция? Она плохая?

— Ну нет, не так бы, просто... ну мало ли что.

Алиса еще несколько секунд смотрела на меня, ожидая какой-нибудь реакции, но потом сама не выдержала и снова засмеялась.

— Ладно, ладно. А ты вообще чем занимаешься, когда не в лице?

— Ничем особенным.

— Это не ответ.

— Ответ, я не знаю что и сказать тебе. Читаю иногда.

— И все?

— А что еще нужно?

— Не знаю.

— А если меня все устраивает?

— Тогда это хорошо.

Тогда мы дошли до ее квартиры и попрощались. Выйдя на улицу, я встретил одноклассников. Один из них держал в руках ее латунный бутылек.

— Что это? — спросил я, глядя в предмет.

— А ты не знаешь? — спросил он, перекатывая его между

пальцами.

— Вроде знакомая вещь. — Я стал осматривать талисман, пока Генри ожидал мой побег. — Мне кажется, это подделка.

— Ахах, ты не понял немного, мы не просили тебя говорить, подделка или нет.

— А что тогда? — Я протянул ему этот бутылек обратно.

— Он сильно похож на талисман Алисы, верно? — Я медленно кивнул.

— И что?

— Попросишь у нее двести пятьдесят бронзянок и принесешь нам.

— Зачем ей вообще давать мне такие деньги?

— Не наше дело.

— Чего, зачем? Ты ваще кто такой.

— У меня дел гора, быстрее думай. Ты либо отдаешь, либо получаешь. Но ты можешь избежать этого. Ты отдаешь нам... хм... двести пятьдесят бронзянок.

— Сколько? У меня нет таких денег.

— У нее попроси.

— Не буду ничего просить.

— Ну как знаешь.

Генри махнул рукой, и мне в спину прилетел толчок. Я упал, а дальше все превратилось в короткую череду ударов и криков.

Кто-то ругался, кто-то смеялся. Я пытался закрыться руками и одновременно думал только об одном — лишь бы они

наконец ушли.

Через некоторое время все закончилось. Они ушли, а я остался лежать на холодном полу.

— Бездарность! — крикнул я ему вслед изо всех сил.

— Повтори? — спросил он, обернувшись сразу, как только звук дошел до него.

— Пошел ты. — Я выплеснул это в бездумном потоке сознания, словно потеряв самосохранение.

Они перекинулись взглядами и с улыбкой вернулись ко мне, нанеся еще увечий по всему телу. Я чувствовал себя униженным, и единственное, чего я хотел, — смерти этих людей.

Я перевернулся на спину. Мне ничего не оставалось, кроме как ждать. На мгновение мир терял все звуки, но сразу возвращал их по одному. Звук парового двигателя дибуса, в который я не успел сесть. Турбины пролетающих дирижаблей, лай собак, мяуканье кошек, звук громкоговорителя из открытой двери, ведущей в чей-то дом:

— А? Слышали? Говорят, что утром автоматы оживают и становятся полноценными людьми, ахах, и я слышал, хорошая шутка прозвучала у Элизабет Панкин, поздравляем Элизабет с хорошим чувством юмора.

Глава 2

Я проснулся от звонка будильника: паровой механизм заводился и выстреливал паром в пластинку, издающую этот

противный звук. Еле поднявшись, сквозь боль по всему телу, я закрыл глаза снова, надеясь, что все это сон.

— Что ты делаешь? — спросила мать, увидев меня в таком странном положении.

— Я жду просветления.

— Вот все ты чудишь, недавно подрался с какими-то хулиганами, сейчас ты занимаешься этим. Что же дальше-то будет, собирайся в лицей, — проворчала она и хлопнула дверью.

Мне повезло тогда отделаться простыми ушибами. Прохожий оказался медиком и отвез меня в больницу.

Кругом расстилался район среднего класса — не такой бедный, как мой, но и до настоящей роскоши ему было далеко.

Все здесь стоило дороже: дома, магазины, даже обычные механизмы на улицах.

Мне выделили палату, осмотрели и отпустили домой. Теперь тело болело почти целиком, но врачи уверяли, что ничего серьезного не было. Забавно. В итоге меня спас человек, которого я даже не знал. Сегодня я должен был рассказать Алисе о случившемся.

— Неужели я забыл, как они выглядят? Нет, — подумал я.

Когда я подходил к зданию лицея, меня встретила Алиса. Она внимательно осмотрела меня, заметив багровые пятна у меня на руках и ногах. Сначала она не поверила и, подойдя ближе, медленно прикоснулась пальцем к одному из ушибов.

— Ай, больно же, — крикнул я и отдернул руку от внезапной боли, приносящей странное удовлетворение.

— Ой, извини — Алиса испуганно округлила глаза. — Я не знала, что тебе больно будет, я подумала что это краска. Это синяки? Что с тобой произошло?

— Я не буду врать: меня избили. Какие-то типы пристали и попытались ограбить меня, ну я и сопротивлялся им, за что и получил.

— Господи, какой ужас! — Она в испуге прикрыла ладонью рот. — Лучше бы ты просто отдал им деньги. Сколько они просили?

— Двести пятьдесят бронзянок...

— СКОЛЬКО? — прокричала она от крайне сильного удивления. — Они вообще там охренели, это же очень много.

— Вот так, видимо думали, что я богатый, — ухмыльнулся я.

— Надеюсь, мы их не встретим больше.

Я тоже понадеялся тогда, но она не знала правды. Едва я переступил порог кабинета, как меня окинули взглядами четверо одноклассников, сидящих, к счастью, далеко от нас. Вдруг один из них встал и подошел к нашей парте, и, обращаясь к Алисе, сказал:

— Как дела?

— Были лучше, пока ты не пришел, — отрезала она с неестественной для нее злобой. — Уйди по-хорошему, Ген-

ри.

— Куда тебе до нее, весь в синяках. Упал, что ли? С лестницы, наверное? — уже обращаясь ко мне, сквозь зубы процедил он.

— Подрался, — ответил я, упорно глядя в пол.

— То есть... ты ей соврал? — шепотом, но так, чтобы слышали соседние парты, произнес Генри. И снова перевел взгляд на Алису.

— Как это обманул? — Она перевела взгляд на меня.

— Ну как, расскажи мне, откуда у тебя синяки. Может, я накажу того, кто это сделал?

— Наверное ты?

— Правильно, — перебил Генри, победоносно ухмыляясь и облачиваясь на нашу парту.

Алиса резко повернулась ко мне, ее брови поползли вверх от возмущения.

— погоди... Ты же уверял меня, что на тебя напали какие-то левые типы? Ты что, соврал мне прямо в глаза?

— Я не хотел тебя ввязывать в это, — тихо сказал я.

— Эй, мы же теперь вдвоем все решаем, забыл? — Алиса сердито дернула меня за рукав, заставляя посмотреть ей в глаза.

Услышав ее слова, класс на мгновение замер, а затем взорвался язвительным хохотом. Громче всех, запрокинув голову, ржал Генри. Алиса поспешно наклонилась ко мне, пытаясь перекрыть этот гул:

— Они просто глупы и не понимают многих вещей.

Я машинально отстранился, поймав ее виноватый, растерянный взгляд. В глазах Алисы на мгновение промелькнуло сожаление о сорвавшихся с губ словах. Своей случайной фразой она буквально поженила нас на виду у всей аудитории — пускай и имела в виду нечто совсем иное.

Гул в классе утих, стоило преподавателю перешагнуть порог. Он с ходу, без лишних вступлений объявил, что сегодня нас ждет срез по биомеханике — предмету, в котором Алисе во всем лицее не было равных.

Прозвенел звонок и мы разошлись по разным кабинетам, условившись встретиться сразу после занятий у ворот. Следующие семьдесят пять минут тянулись на удивление мирно, пока на выходе в мою спину не уперся холодный латунный наконечник жезла. От резкого толчка я покачулся. Обернулся и похолодел: Генри стоял один. Без своей обычной свиты. И это пугало сильнее всего.

— Что тебе нужно? — процедил я сквозь зубы, заставив себя смотреть ему прямо в глаза, хотя внутри все сжималось от предчувствия беды.

— Принес?

— Что?

— Не включай дурака, — Генри притянул меня за воротник и наклонился к самому уху. Я почувствовал его злое дыхание. — Забыл, за что тебя вчера месили?

— Я не собираюсь тебе ничего отдавать. Проваливай. Я

тебя не боюсь.

— Зря ты так, — лицо Генри исказилось в хищной усмешке. — Разве за дерзость у нас не прилетает кара?

— Какая? Небесная? — я выдавил из себя жалкое подобие саркастического смеха.

Генри нахмурился, окончательно осознав, что по-хорошему я не пойду, и резко свистнул. В ту же секунду он хваткой вцепился в мою кисть и силой поволок по коридору в сторону раздевалок. Дергаться было бессмысленно — он был очевидно сильнее, а в суставе уже что-то затрещало, угрожая сдаться с хрустом.

Он с силой пихнул меня через порог. Я потерял равновесие и уткнулся лицом в грудь одного из парней, явно ожидающих нас внутри. Их лица показались мне до жути, до тошноты знакомыми, но в панике память наотрез отказалась выдавать имена.

— Ну, а теперь? — тяжело выдохнул Генри мне в затылок.

— И теперь то же самое. Мой ответ — нет, — отрезал я, хотя голос предательски дрожал.

— Что ж, ты сам выбрал этот расклад, — бросил Генри.

Один из его приятелей лениво спрыгнул с широкого деревянного подоконника с медными накладками. В следующую секунду в живот прилетел сокрушительный удар. Воздух с шипением вырвался из легких, сильная ноющая боль скрутила внутренности, и ноги сами подкосились, и я впечатал колени в холодный пол.

От каждого следующего пинка сознание взрывалось странной, мазохистской вспышкой облегчения, но этот сумасшедший кайф тут же перебивался резким, невыносимым жжением. Избиение длилось недолго. Когда они отступили, я увидел, что Генри стоит чуть в стороне и как-то жалобно, почти потерянно смотрит на меня, судорожно сжимая что-то в кармане брюк.

— Надеюсь, в следующий раз ты будешь умнее, — рослый старшекурсник, наносивший первые удары, внезапно протянул мне руку и рывком помог подняться.

Они с парнями подошли к Генри и небрежно отсыпали в его ладонь несколько латунных монет. Мы вышли из раздевалки вместе. Поравнявшись со мной, Генри едва заметно прижался губами к моему уху и ядовито шепнул:

— Опущенец.

— Пошел ты.

— Посмотрим, что ты запоешь позже.

Уже у самого выхода он притормозил, окинул меня финальным взглядом и добавил:

— В следующий раз думай, прежде чем вставать в позу.

Финальный звонок разрезал тишину коридоров. Мы встретились с Алисой у массивных ворот лицея. Только здесь, под прямыми лучами яркого солнца, она наконец разглядела мое лицо.

— Господи... Когда ты успел? Что это такое?! — Алиса охнула. Ее ладонь судорожно прижалась к приоткрытому рту,

а пальцы со страхом впились в собственные губы.

— Мне начинает нравиться, когда ты так за меня переживаешь, — улыбнулся я сквозь силу, пытаюсь сгладить углы.

— Это... это ведь краска, да? — Она осторожно, почти невесомо коснулась пальцем одного из свежих ожогов.

Я резко вскрикнул и отпрянул.

— Почему ты снова промолчал?! — в ее голосе звенящие слезы смешались с чистой яростью. — Это реальные садины и ожоги! Почему ты вообще позволяешь им делать это с тобой? И почему ты позволяешь мне причинять тебе боль?..

— Это был Генри и старшекурсники. Не представляю, как он подбил их на такое, но в конце они сами отсыпали ему денег.

— Он? Старшаки? Этот счетчик? — Алиса ошеломленно замерла. — Да я в жизни бы не поверила, что он на такое способен. Погоди, и сколько они ему дали?

— Я разглядел около десяти латунных монет. А что?

— Нечисто тут все, не замечаешь?

— Если честно, не особо. Просвети меня.

— Да Генри... ты его вообще видел в последнее время? Он же в долгах по уши, погряз в игорных домах. Единственные, кто сейчас станет ходить под ним, — это крысы.

— В смысле, предатели?

— В самом прямом смысле, — Алиса развела руками и выразительно посмотрела на подворотню. — Серые, хвостатые крысы.

— Давай просто забудем, — я мягко потянул ее за собой.
— Главное, что прямо сейчас его здесь нет. Чувствуешь? Без него даже этот дымный воздух кажется чище.

Она охотно поделила мою неприязнь к Генри и, воинственно сжав кулачки, даже предложила как-нибудь изящно ему отомстить, но я лишь отмахивался. Меньше всего мне хотелось вариться в этой злости. Чтобы сменить тему и перевести дух, мы свернули в небольшой сквер неподалеку. В его центре высился монументальный фонтан, плавно переходящий в грохочущий водопад. Вся площадь вокруг была застелена прочным стеклянным настилом. Под нашими ботинками извивались сотни прозрачных трубок — по ним под страшным давлением пульсировала вода, устремляясь прямо к центральному нагнетателю, который с шипением выбрасывал мощные струи высоко в небо.

Шумный, закованный в железо город словно отступил на задний план. Только здесь, под мерный рокот воды и вдали от Генри, я наконец-то почувствовал себя по-настоящему живым.

— Смотри, какая красота, — восхищенно прошептала Алиса, указывая носком туфельки на стеклянный пол.

— Да уж, инженеры постарались на славу.

— Интересно, а что там, на самом дне? — Она прищурилась, но разглядеть основание сквозь плотно подогнанные, склеенные между собой латунные стыки труб было невозможно. Переплетение механизмов выглядело заволаживаю-

ще.

— Ой, я же совсем забыла! — Алиса резко обернулась ко мне. — Сегодня в городском театре вечернее представление. Пойдем? Я ведь поставляю им своих автоматов для декораций, как раз увидишь их в деле! — Когда она заговорила о своих машинах, ее голос едва заметно дрогнул от волнения.

— У меня совсем нет денег, Лис... Извини, давай в другой раз.

— Все в порядке, я плачу, — легко отрезала она.

Мне стало жутко неловко. В моих мыслях все должно было быть с точностью до наоборот: это я покупаю билеты, я веду ее на спектакль, искренне восхищаюсь ее талантом, а после мы крадемся по вечерним улицам под звуки далекого уличного оркестра...

— Как думаешь, они не заклинят прямо посреди сцены? — Алиса нервно поправила манжеты, хотя, насколько я знал, театр сотрудничал с ней уже не первый месяц.

— Уверен, все пройдет идеально. Скажи честно, они хоть раз ломались на публике?

— Не-а.

— Ну вот, а говорила — механик. О чем тогда переживать?

— А тебе... вообще нравятся подобные места? — в ее голосе вдруг прорезалась хрупкая, неуверенная нотка. — А то вдруг я тебе навязываю, у тебя были свои планы, и ты все отменил из-за меня? Ты правда хочешь пойти?

— Знаешь, Лис, с тобой я готов отправиться хоть на самый край этой латунной клетки, — тихо сказал я. — Так что не придумывай.

Мои слова подействовали на нее как электрический импульс — она буквально расцвела. Это было настолько искренне и тепло, что у меня на секунду перехватило дыхание.

— У тебя потрясающая улыбка, — прошептал я и осторожно, едва касаясь, провел указательным пальцем по уголкам ее губ.

— Ну все, пойдем скорее, а то точно пропустим начало! — Алиса густо покраснела, перехватила мою руку и потащила за собой через площадь.

Идти оставалось всего пару кварталов. С каждым шагом ее предвкушение передавалось и мне, заряжая любопытством.

Мы заняли места во втором ряду, прямо перед сценой, чтобы не упустить ни одной детали. Зал был полупустым. Будь я на месте актеров, меня бы точно расстроила такая скромная публика. Похоже, Алиса думала о том же.

— Смотри, смотри, выезжает, — выдохнула она, прикусив губу. Ее пальцы крепко впились в мои ладони.

Из-за тяжелых бархатных кулис плавно, почти бесшумно выкатился угловатый латунный автоматон на широких резиновых колесах. Он замер у самого края деревянного настила и, повинувшись внутреннему часовому механизму, с четким щелчком повернул массивную раму с декорациями,

мгновенно меняя фон для новой мизансцены.

— А почему он на колесах? — шепотом спросил я.

— Режиссер настоял. Ты же видел моих шагающих роботов — у них слишком тяжелые гидравлические ноги, они бы просто проломили эту сцену. Я таких всего пару штук собрала. Кстати, одного прыгуна я продала в театр Рико... ну, помнишь, старое здание, где раньше находился центральный банк?

— Не очень. Я в том районе был всего раз, вчера, когда тебя искал.

Для обычного зрителя это была просто послушная железка, крутившая приводной вал. Но я видел, как Алиса затаила дыхание. Для нее эти машины не были бездушным инвентарем, который администрация арендовала ради экономии на рабочих сцены. В каждом выверенном движении поршня, в каждом щелчке внутреннего счетчика она видела нечто большее.

Если машина способна идеально держать ритм театральной постановки, значит, ее можно заставить держать ритм танца.

Спектакль завершился под оглушительный шквал аплодисментов, но для нас двоих все закончилось гораздо раньше — в тот самый миг, когда автоматон Алисы сделал свой последний точный щелчок и скрылся за кулисами.

Я проводил ее до дома. В сгущающихся сумерках, проходя мимо темных переулков, нам пару раз чудился странный,

сухой металлический скрежет — словно десятки крошечных латунных лапок спешно цеплялись за каменную мостовую. Мы синхронно ускоряли шаг, делая вид, что ничего не слышим. На прощание Алиса крепко, до боли сжала мою ладонь, и в ее глазах снова зажглись те самые упрямые искры.

Домой я возвращался на ночном полупустом дибусе, тупо разглядывая через засиженное копотью стекло проплывающие мимо силуэты крыш и дымящих труб.

Стоило мне переступить порог парадной, как снизу донесся дребезжащий старческий голос. Наш сосед, старый одинокий часовщик, только что вернулся к себе.

— Постой, мальчик. Сын Евы! — прокричал он, опираясь на перила.

— Да? Здравствуйте. Что-то случилось? — я выглянул через балюстраду.

— Будь другом, загляни на минуту. У меня печатная машинка заклинила, литеры западают, а мне до зазарез нужно дописать главу.

— Хорошо, сейчас посмотрю. Все равно делать нечего.

Я спустился в его захламленную каморку. На столе покоился увесистый аппарат — не древний хлам, скорее, предфлагманская модель предыдущей серии. Сейчас фабрики выпускали куда более изящные паровые устройства с углеродными фильтрами. Нас в лицее весь прошлый семестр гоняли по сборке и калибровке таких узлов, так что причину поломки я установил почти сразу.

В исправном аппарате при нажатии клавиши открывался миниатюрный клапан. Порция сжатого пара из общего распределительного коллектора была по микропоршню, и лицевой рычаг со свистом взлетал вверх, с силой впечатывая букву через красящую ленту прямо в бумагу.

Здесь же половина рычагов намертво залипла. Из-за майской духоты густая гудроновая краска на ленте размякла, потекла и намертво забила поршневые направляющие. Слабого давления домашней паровой линии просто не хватало, чтобы продавить этот вязкий состав.

Минут за тридцать я полностью промыл клапаны, заменил смазку и выставил зазоры. Старик просиял от радости и тут же достал из шкафа пыльную бутылку темного вина. Я поначалу отнекивался — всегда старался держать голову свежей и не притрагиваться к спиртному, — но под его умоляющим взглядом сдался и кивнул.

Мать за такое по головке не погладила бы, но я рассудил, что от одного бокала мир не рухнет.

— И откуда ты так поздно? — спросил старик, придвигая мне стул.

— А?

— Гулял, говорю, где-то? Я видел, как ты утром убегал. Куда тебя несло?

— Почему вам так интересно?

— Да заняться мне больше нечем, сынок, — вздохнул он, усаживаясь напротив. — Вот, пишу хроники нашего района,

фиксирую, так сказать, эпоху. А без машинки как без рук... Ну так что, где был?

— Да так... с подругой гулял, — я взял бокал и сделал приличный глоток. Вина там было всего на четверть, остальное — терпкий ягодный настой.

— Хм. В твои годы у меня уже жена была.

— И где она сейчас?

— Умерла не так давно. До сих пор поверить не могу, что ее больше нет, — старик тяжело закашлялся, и в его выцветших глазах вспыхнула глухая, страшная злоба. — Сбил один черт на своем новомодном паромобиле. Снес и даже ход не сбросил, улетел дальше. Прихоть богачей, снобы проклятые... Твари неблагодарные.

— Соболезную вам, — тихо сказал я, крутя бокал в ладонях. — Но... кто такие снобы?

Это слово тогда было мне совсем в новинку. И, честно говоря, лучше бы мне его никогда не знать.

— Сложно это объяснить на словах, парень, — отрезал старик, качнув головой, и тягуче налил себе еще полбокала. — Придет время — сам все поймешь. Увидишь их изнанку.

— Понятно... И много их сейчас в городе?

— Хватает, — он резко поднялся, подошел к старому комоду и достал пожелтевшую черно-белую фотографию. — Глянь. Это мы с ребятами из мастерской. Почти все уже на том свете... Попробуй угадать по лицу, кого из нас весь класс люто ненавидел, а в глаза улыбался?

Я внимательно всмотрелся в блеклые, застывшие лица молодых парней в рабочих фартуках.

— Наверное... вот этого, угрюмого справа?

— А вот и нет, — горько усмехнулся часовщик, забирая снимок обратно. — Видишь? Человеческая природа — штука тонкая. По лицу никогда не поймешь, какая гниль сидит у человека внутри.

Я невольно задумался об Алисе. Образ гнилого человека никак не вязался с ней. Я наотрез отказывался верить, что она способна на фальшь.

— Я последний бокал допью и пойду, пожалуй. — Я натянуто улыбнулся. — Меня уже в сон немного клонит.

Опустошив бокал, я тепло поблагодарил соседа за угощение и направился к своей квартире. Короткий поворот ключа, знакомый щелчок замка. Накатившая усталость вперемешку с вином дала о себе знать — я ввалился в прихожую слегка покачиваясь.

И тут же наткнулся на мать.

— Ты где был?! Почему от тебя разит алкоголем? Ты что, пил? С кем? Где? Почему мне соседи говорят, что видели тебя с какой-то девчонкой в театре? Совсем свихнулся? Тебе только семнадцать! Отвечай, куда ты ходил?!

Я замер под этим удушающим потоком обвинений, не в силах вставить ни единого слова. Ее губы лихорадочно дрожали, а на глазах мгновенно выступили те самые истеричные слезы, которые появлялись у нее каждый раз, когда она сры-

валась на крик.

— Мам, успокойся, пожалуйста.

— Успокоиться?! Твой сын шляется черт знает где, ничего не сказав, а потом оказывается, что его какая-то дура таскает по сомнительным местам! Что бы ты запел, будь ты на моем месте?!

— На твоем месте я бы просто не сомневался в собственном сыне, — тихо, но твердо перебил ее я. Слова давались с трудом, язык слегка заплетался, но я упрямо продолжал: — Я ведь обещал, что все будет нормально. И не смей называть ее дурой, у нее есть имя. Мы просто гуляли по району. Все, успокойся.

Я сделал затяжной, тяжелый шаг вперед и крепко прижал ее к себе. Это было наше проверенное, негласное средство — в такие моменты ей больше всего на свете не хватало именно этого безмолвного ощущения безопасности. Мать обмякла в моих руках, судорожно выдохнула и тихонько села на край кровати, попросив оставить ее одну. Я послушно закрыл дверь и ушел в свою комнату. Мне и самому до зареза нужно было побыть в темноте и посмотреть на себя со стороны.

Интерлюдия

Алиса свернула на свою улицу, когда из густой тени фабричного смога вынырнул силуэт. Генри стоял, небрежно прислонившись к кирпичной кладке. Одет он был на удивление прилично — дорогое пальто, чистый воротник, совер-

шенно не похожий на тот помятый вид, в котором он обычно заваливался в лицев.

Она сперва даже не признала его в полумраке и уже собиралась ускорить шаг, когда над пустой мостовой разнесся его голос:

— Алиса!

Она резко обернулась. Разглядев знакомые черты сквозь клубы угольной пыли, Алиса почувствовала, как внутри все сжалось от липкого страха, а к горлу подступил удушливый ком.

— Я не причиню тебе вреда. Слышишь? Только не тебе,
— Генри поспешно вскинул раскрытые ладони в защитном, примирительном жесте.

Его тон немного сбил волну паники, но внутреннее чувство продолжало кричать об опасности. Дышать стало легче, и ком в горле рассосался так же стремительно, как и появился.

— Что тебе нужно? — Алиса смерила его холодным, оценивающим взглядом. — Все никак не успокоишься? Ты выглядишь точно так же убого, как и в те времена, когда крутился возле меня.

— И совсем не убого, — ехидно хмыкнул он, поправляя лацкан. — Это вообще-то столичный покрой. Последний писк моды.

— Нарядаться в шелк на кровавые деньги — это теперь модно?

— На какие еще кровавые?

— Ты за эти гроши избил моего...

— А-а, ты про этого недоноска? — Генри самодовольно оскалился. — Так он за тебя уже огреб по полной. Причем, знаешь, мне показалось, ему даже понравилось. Ты бы видела, как этот придурок лыбился, пока мы его заколачивали в пол раздевалки.

— Зачем, Генри? Зачем ты это сделал?

— Деньги, Алиса. Обычные расчеты. Я был уверен, что он прибежит к тебе жаловаться, и ты решишь просто откупиться, чтобы его не превратили в котлету.

— Ты конченный ублюдок, — процедила она сквозь зубы. — Моих денег ты не увидишь, сколько бы ни ползал. И ты никогда не станешь таким, как твой отец, как бы сильно ты ни тужился.

Лицо Генри мгновенно потемнело.

— Ну зачем ты так, Лис... — ядовито прошептал он.

В следующую секунду воздух рассекли его пальцы, и по ее щеке пришелся хлесткий, сокрушительный удар ладонью. Огненная, невыносимая боль обожгла кожу. Это было самое унижительное и болезненное из всего, что он мог ей сделать.

— Свободна. Не буду тебя задерживать, — бросил Генри, растворяясь в тумане.

Алиса добежала до своего подъезда. Трясущиеся пальцы никак не могли поймать замочную скважину. Ключ повернулся. Сухой щелчок. Она скользнула внутрь.

— Мам, пап, я дома! — как можно громче крикнула она с

порога, спешно сбрасывая туфли и тяжело опираясь спиной о холодную стену.

Тишина. Мертвая, склеенная тишина огромной квартиры, сквозь которую едва слышно пробивался мерный, сухой стук вилок о дорогой фарфор и тяжелый ритм падающей воды. Каждые две секунды. Кап. Кап. Для собственных родителей Алисы в эту минуту просто не существовало.

— Я вернулась. Вы здесь? — она дошла до кухни и замерла в дверном проеме.

Мать и отец сидели друг напротив друга. Уткнувшись взглядами в свои тарелки, они методично, молча поглощали ужин, полностью игнорируя ее присутствие. Словно на пороге стоял пустой стул, а не их единственный ребенок.

— Вы меня вообще слышите? Что происходит? — голос Алисы предательски дрогнул.

Ни один из них даже бровью не повел. В душных паузах между ее словами звук капающего крана казался оглушительным, как удары молота.

— Дорогой, когда ты наконец починишь эту прокладку? — с глухим раздражением бросила мать, не поднимая глаз на мужа. — Меня до безумия утомляет этот мерзкий звук.

— Пообедаем, и я все сделаю, — сухо отозвался отец, аккуратно, с хирургической точностью отрезая кусок сочного мяса.

— Почему вы меня игнорируете?! — сквозь плотно сжатые зубы выдавила Алиса, ее кулаки сжались до побеления

суставов.

На кухне снова повисло свинцовое, невыносимое напряжение. Воздух сделался настолько плотным, что напоминал сжатую до упора паровую пружину, готовую в любую секунду разлететься в щепки и снести все на своем пути.

Осознав, что ответа не добьется, Алиса резко развернулась и бросилась обратно в прихожую.

Остановившись перед массивным ростовым зеркалом в тусклом, янтарном свете коридора, она подняла голову и оцепенела. На бледной щеке, прямо под скулой, стремительно наливался багрово-фиолетовый, уродливый отпечаток — след от пальцев Генри.

В памяти мгновенно вспыхнуло, как совсем недавно она у ворот лица с легким, почти детским любопытством касалась синяков на лице своего одноклассника. Алиса осторожно приложила кончики пальцев к собственной коже — и едва не закричала от резкой, пронзающей боли, прошившей лицо до самой шеи. Ей пришлось судорожно зажать рот обеими ладонями. Прервать этот священный ужин родителей своим криком было бы фатальной ошибкой — это сделало бы все только в сто раз хуже.

Едва дыша от подступающих слез, она скользнула в свою комнату, тихонько прикрыла дверь и без сил рухнула на кровать. Уставившись в пустой темный потолок, Алиса слушала, как за стеной проклятый кран продолжает методично отбивать секунды ее жизни. В эту ночь она до дрожи в коленях

боялась всего двух вещей: что родители завтра все-таки заметят этот след на ее лице... и что скажет он, когда увидит ее у ворот лицея.

Глава 3

Я увидел ее сидящей у порога школы и задумчиво смотрящей в пол. Ничто не могло привлечь ее внимания, даже оклики одноклассников, пытавшихся спросить, чем она занималась. Она ждала кого-то. Может меня?

Я тихо подошел к ней под шелест весенней листвы, стараясь не привлекать внимания. Но меня выдала хрустнувшая под ногами сухая ветка.

— Алиса! — Я поднял руку жестом приветствия.

— Я тебя ждала как раз, — отозвалась она опустошенно.

— Что с тобой? — поинтересовался я на фоне ее странного поведения.

— Да так, все нормально. Пошли внутрь, я после тебя зайду.

— Точно все в порядке? Ты ведешь себя как-то... не так. Что случилось?

— Нет же, все нормально, говорю же.

Она отступила и неудачно оступилась, упав на траву. В этот момент я увидел ту сторону ее лица, которую она все это время пыталась скрыть.

— Что это у тебя? — Я пригнулся к ней и прислонил ладонь к ее щеке, оставив между ладонью и ее щекой несколько сантиметров, чтобы не причинить ей боль. — Кто это сде-

лал? — Я взял ее за руку и медленно помог встать.

Она в ответ на мой вопрос лишь нахмурилась и надулась, но через пару секунд, после секундных размышлений сдалась.

— Это был Генри, стой, послушай, — торопливо произнесла она, думая, что я побегу мстить за нее. — Я сама виновата в этом.

— Как можно быть виноватым в этом? — Я указал на ее огромный багровый след.

— За слова, это не повод?

— Нет! — крикнул я с недовольством. — Это никакой не повод бить, тем более девушку. — За какие слова? — спросил я.

— Ты не знаешь, но там долгая история. — Она ненадолго замолчала. — Он давно проигрывает деньги. Отец ушел после выигрыша. Мать болеет. Он в долгах...

— И из-за этого он решил ограбить меня?

— Да. А я должна была понять раньше, что все это из-за меня. — Она опустила глаза.

— Прости. Если бы я сразу поняла, ты бы не пострадал, — с чувством вины проговорила она, смотря в пол на мои ботинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.